

Климова Анна Поликарповна родилась в 1947 г. в селе Андрияш-ная Суета (А- Суета) Барзасского района Кемеровской области. С 12 лет и по сей день живёт в Ташаре Мошковского района Новосибирской области. В 1965 году окончила Ташаринскую школу с серебряной медалью. В 1969-ом окончила физмат НГПИ. В 2010-ом году выпустила сборники «И душа распустилась песнею», «Я видела, как падала звезда», рассказы и стихи «Всё было...». Участница литературного объединения «Надежда» при Мошковском районном ДК и многих районных и областных конкурсов. Лауреат литературной премии имени П. П. Дедова в номинации «Малая проза» II степени, 2022 г.

За тетрадками в клеточку

Уже и не спится. Возможно, я не одна такая. Может быть, кто-то ещё, как и я, не прочь погрузиться во времена счастливого детства, воспоминание о котором всё чаще и чаще заполняет возникающее опустошение души...

Шёл 1961-й год. Мы только что переехали в Ташару из глухой таёжной деревни. Там, где мы жили, не было средней школы, а родители мечтали видеть нас с братом образованными. Вот и высадил нас пароход «Урицкий» в четыре часа утра на берег Оби. Здесь начинали строить большой лесоперевалочный комбинат. Денег у семьи на хороший дом не было, и мы поселились в землянке «пять на семь» метров с глинобитной русской печью.

После привольного таёжного житья в просторном доме с щедрым столом (дичь, разнообразное мясо, сметана, молоко, творог, мёд) мы попали в «хрущёвскую ловушку». Корову держать не получилось – все покосы принадлежали соседнему колхозу.

Пчёл заводить тоже нельзя. Пчела летит за широченную Обь на цветочные луга, а оттуда не возвращается. Она с

«грузом» не может долететь до своего берега – тонет. Вот и жили мы на одной рыбе.

Её было вволю. Рядом был пруд. Мама ставила корчажки на карасей и готовила их всякий раз по-разному. Иногда мы с ней ходили с бреднем по местной небольшой речушке. Шурогайки, сорожки, крупные жирные пескари разбавляли наше меню. Отец порой находил время порыбачить на Оби. Тогда на столе была и хорошая рыба.

В школе я освоилась не сразу. Мой таёжный имидж был встречен весьма критично. Одноклассницам не нравилась моя походка, сформированная походами с отцом на охоту в тайге. Одета я была по их представлениям в тряпье, хоть оно и было школьной формой. Да, в принципе, оно так и было. Мои отличные оценки, оказалось, не дотягивали до стандартов школы. Вот так как-то: чучело таёжное. Конечно, было обидно: я же хорошая девочка. Доказала я это только к девятому классу. А тогда со мной якшались только две девочки из многодетных семей, не избалованные достатком.

С ними-то мы и совершили однажды из ряда вон выходящее турне.

Новый год. Нас распустили на каникулы. В тот год в сельпо не завезли тетрадки в клеточку. Вернее, завезли, но мало. Мы не успели запасти на весь год. Да просто не подумали, что их может не быть.

Математические записи на страничках в линейку выглядели некрасиво, вот и решили мы с подружками сходить в соседнее село Кузнецовку на лыжах по просеке, проложенной для будущей железной дороги. Так было ближе, чем по существующей автомобильной.

Вере М. живущая там родственница, будучи в гостях, сказала, что в их магазине тетради в клеточку есть.

Свои намерения на потом не откладывали. «Подрядили» лыжи, кто-где.

Погода с утра была солнечная. Оделась я по-спортивному – в трикотажный костюм. Все увещевания матери одуматься и надеть «куфайку» были высокомерно осмеяны. Лыжи мы, правда, тогда надевали на валенки. Когда встретились за деревней, то мы с Верой М. с удивлением увидели, что наша подружка Вера Б. была в тёплых брюках и в бушлате отца. Она пояснила, что её мама взяла ремень и поставила такое условие... Мы с Верой М. посмеялись над её видом, но я в душе ей уже позавидовала, так как в наших трико при двадцатиградусном морозце мы чувствовали себя голыми.

Вера Б. пошла первая, она была самая сильная и смелая по жизни. Я завершала экспедицию. Мы шли и пели походные песни, какие знали.

Лыжни, естественно, нам никто не проложил, и Вера Б. топтала её по целинному снегу. Мне хоть и было легче, но я всё равно быстро устала, начала замерзать. Но не возвращаться же! Пройти нам надо было семь километров – немного, как нам казалось вначале. Но что это был за маршрут! Петь мы перестали довольно быстро. Задние стали всё чаще и чаще спрашивать: «Ну, долго ещё? Не видно деревни?»

Из Ташары мы вышли где-то в час дня. В походе скорость наша всё уменьшалась. Руки у меня, да и всё тело, стали деревянными. Чтобы не упасть замертво, несколько раз на помощь призывала образ Зои Космодемьянской. Её зимой перед казнью фашисты водили раздетой по деревьям ...

Начиналась метель. Хорошо, что направление было известно. Просека широкая. Зимой темнеет рано. Силы нас покидали, но цель была поставлена, и она, пусть ценой героических усилий, но должна быть достигнута...

К Кузнецовке мы подошли, когда в избах уже горел свет. Минуя собаку, мы ввалились без стука в дом родственницы.

Реакцию стоило видеть. Я не берусь описать, ту душевную работу хозяев, которая происходила в тот момент.

Нас быстро раздели, растёрли самогоном, потом барсучьим салом, одели во всё сухое. На столе уже стояла большая сковорода с жареной картошкой. Дядька-хозяин достал бутылку водки, налил нам по полстакана и в приказном порядке заставил выпить; поели, потом ещё пили горячий чай с мёдом. Как и что было дальше, я не могла вспомнить ни разу в жизни.

Проснулись мы на следующий день на русской печи, под овчинным одеялом. Голова плохо соображала. Родственница, которая своим рассказом о тетрадях спровоцировала наш безумный демарш, уже сбегала к продавщице домой, так как было воскресенье и в магазине был выходной. Тетрадей в клеточку, оказывается, у них тоже уже нет...

Нас накормили борщом, напоили молоком, завернули в полушубки, и на подводе хозяин отвёз нас в Ташару.

Когда мой отец выражал крайнее недовольство моим поведением, он презрительно говорил: «Дурак!» Это я и заработала, вернувшись домой и рассказав, что и как было.

А вот болели ли мы после этого безумства – не помню. Вскоре и в наше сельпо привезли тетради в клеточку.

